

Ж.Р. АМИРОВА

КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ СУБСТАНТИВАЦИИ

Новый аспект исследования субстантивации как общеязыкового процесса дает нам когнитивистика. Когнитивная лингвистика, зародившаяся в 60-х годах XX в., продолжает оставаться актуальным направлением исследований человеческого мышления, ментальных процессов через язык и посредством языка (см.: Е.С. Кубрякова, Ю.С. Степанов, В.З. Демьянков и др.). В когнитивистике главное внимание уделяется человеческой когниции. Под когницией понимается «познавательный процесс или же совокупность психических (ментальных, мыслительных) процессов – восприятия мира, простого наблюдения за окружающим, **категоризации** мышления, речи и пр., служащих **обработке и пререработке информации**, поступающей к человеку либо извне по разным чувствен-

но-перцептуальным каналам, либо уже интериоризированной и реинтерпретируемой человеком» (КСКТ, 1996,81).

Когнитивная деятельность человека направлена на познание мира, осмысление себя в этом мире, поэтому когнитивная лингвистика тесно связана с другими науками, изучающими человека: психологией, логикой, философией, социо-логией. Идея о том, что язык сам является деятельностью, а не её продуктом, принадлежит Вильгельму фон Гумбольдту. Далее он указывал, что «Язык есть орган, образующий мысль... Интеллектуальная деятельность и язык представляют собой поэтому единое целое» (Там же, 20).

Специалисты отмечают, что когнитивная лингвистика открывает широкие перспективы изучения

языка во всех разнообразных и многообразных связях с человеком, его интеллектом, со всеми познавательными процессами (Маслова В. А. 2006, 13). Рассмотрение субстантивации с когнитивной точки зрения поэтому представляется нам перспективным. Концептуальный характер субстантиватов позволяет дать представление о картине мира казахского народа, отраженной в языке. Так, концепт *Көк* является одним из важнейших в языковой картине мира казахов. Языковая картина мира казахского народа сложилась из древнейших философских, мировоззренческих представлений, возникших на основе поклонения силам природы. Как отмечают современные казахстанские философы: «Особое место в почитании природы занимало обожествление Неба – Көк, которое понималось как священное небо» (Аюпов Н., Нысанбаев А. 2006, 17). На небе были солнце, луна, звезды, которым тоже поклонялись и называли Кун Тенгри (Солнце). Ай Тенгри (Луна) и Юлдуз Тенгри (звезды). Поклонение небу носило очень сложный и многогранный характер, т.к. оно включало в себя еще и представление о небе как «отце». Согласно космологическим представлениям древних тюрков (в том числе и казахов) из первичного хаоса возникло небо и земля, а затем – человек. В Большой надписи в честь Кюльтегина говорится: «Когда возникли вверху священное небо и внизу бурая земля, между ними возникли сыны человеческие» (Аюпов Н., Нысанбаев А. 2006, 5-52).

Поклонение Небу как отголосок тенгирианства существовало даже после принятия ислама, как отмечают философы.

Көк Тәңірінің өзінің рақымы түскен, дүниедегі ең көрікті жер екен (М. Мағауин. Қос Ағаш, 85).

В казахском языке до сих пор сохранились выражения, свидетельствующие об этом. Так, обращение к небу с просьбой закрепилось в виде словосочетания *көктен тілеу*, т.е. «просить у неба», например:

Аққасқаның дәмін тауыспаған бір жаратушы оған көктен тілегенін жерден берді (И.Хасенұлы. Аққаска, 112).

Обожествление небу сохранилось также в некоторых канонических жестах. Так, у казахов, как и у других народов, существует жест «поднятые к небу руки»:

Ол әйел жаңа ғана жан тапсырған бір өліктің қасында екі қолын көкке көтеріп, екі көзден жақсын парлатып, ананың қасиетті мұңын төгіп отыр екен (Ғ. Мүсірепов. Ана кесімі айнымайды, 66).

В приведенном примере *екі қолын көкке көтеріп* обозначает «обе руки подняв к небу». Смысл этого жеста вполне понятен носителям казахского языка: он служит символом скорбного чувства, горя. Символический смысл устойчивого выражения *екі қолын көкке көтеру* «поднять руки к небу» также говорит о том, что слово *көк* является, действительно, концептом и с лингвистической точки зрения.

В современном казахском языке данное слово многозначно. Оно обозначает синий/серый и зеленый цвет, например:

Көшпелі көк бұлт көлеңкесін көлге түсіріп, ай-наға қарап сыланды (Ғ. Мүсірепов. Қос шалқар, 25). В данном контексте слово *көк* обозначает синий/серый цвет: *көк бұлт* – «синее облако».

Темір аспан түсті көк жібектен киінген. Үсті-басы от шашып, жалын жалап тұрған інжу тастар... (Ғ. Мүсірепов. Өлімді женген ана, 59).

В приведенном примере *көк* обозначает также синий цвет, на что указывает уточнение *аспан түсті*, т.е. «цвета неба».

В следующем примере данное прилагательное в субстантивированной форме передает значение «зелень»:

Желегі қайтқан, бірақ көгі таусылмаған еді дейді (М. Мағауин. Қос Ағаш, 85).

Слово *көк* также обозначает небо (см. словарь). В данном стихотворном примере слово *көк* употреблено в прямом значении – «небо»:

*Өлке данқын артқанымен арқаға,
Әлгі күнге түспей келген картаға,
Қыран ғана қалықтайтын көгінде,*

(М.Шаханов. Ғашықтық ғаламаты, 9).

Предложение *Қыран ғана қалықтайтын көгінде* переводится как «только орел парит в небе».

В следующем примере *көк тіреген таулар* – «подпирающие небо горы»:

...ол ... шыңы көк тіреген таулардан, адам аяғы баспаған құздан өтеді (Хасенұлы. Мәңгілік ғұ-мыр, 15).

В языковом сознании казахов это слово закрепилось в составе устойчивого выражения *біреудің басы (төбесі) көкке жеті* «достичь головокружительных успехов»:

Нақ төрінен мәңгі итжығыс түсіп жатқан майданның,

Жігеріңмен тек өтіп,

Ұлт мүддесін шекпен етіп,

Төбең бір сәт көкке жетіп

Өз өлкеңе ескерткіш боп оралдың ба, айдарым!

(М. Шаханов. Оралу, 42)

В авторском употреблении могут встречаться сочетания слова *көк* с другими словами. Напри-

мер, в приведенном ниже примере поэт М.Шаханов расширяет его сочетаемость: вместо *басы көкке жеті* поэт употребляет *мерейі көкке жетті*:

*Біреулерді өр тағдыр өкпелетті,
Біреулердің мерейі көкке жетті.
Біреулерді заманы шетке тенті,
Содан бері он сегіз көктем өтті.*

(Шаханов М. Жаңғырық немесе Ақсақ Темір қалай басталды, 131).

Как известно, данный концепт часто встречается в прозаических и поэтических текстах, где используется как метафора, символ. В следующем примере поэт использует слово *көк* в переносном значении *көңіл көгі* «небо настроения». Метафорическое употребление данного слова еще раз подтверждает тот факт, что оно является концептом.

*Алыс кетсе, несі өкініш, көңіл көгі аршылар,
Көңіл көгі аршылар да намыс атын қамшылар.*

(Шаханов М. Жанерке, 24)

Образное употребление слова *көк* может использоваться автором художественного произведения как перифраза. В приводимом ниже примере Габит Мусрепов – великий мастер родного слова – использует выражение *Көк сұлуы* – «красавица неба» как перифразу для номинации орлицы (ана кыран):

Көк сұлуы да айналасында шұлғыма жігіттердің бола бергенін жек көрмесе керек. Көз кыбығы екі қыранға да түсіп келеді... (Ф. Мүсірепов. Қыран жыры, 189).

Концептуальный характер этого субстантивированного слова проявляется, по нашему мнению, и в том, что оно частотно употребляется в языке в качестве составной части имени собственного. Так, например, в рассказе классика казахской литературы Габита Мусрепова главный персонаж – рыба-самец – имеет свое имя Коккаска.

Күміс қылыштай жарқылдап, найзағайдай ағып келе жатқан атабалық – Көкқасқа осылай бір жүйткітін кезең таянып қалғанын бір талайдан бері сезінген еді (Ф. Мүсірепов. Өмір жорығы, 175).

Для казахов очень характерен выбор имен собственных животных и птиц со словом *көк*, для выражения их особой силы и ловкости. Так, в примерах приведенных ниже любимого сокола известный поэт Ахан серы назвал Көкжентет, а в рассказе Мусрепова «В буранную ночь» очень крупную и сильную собаку звали Кокдаул:

Қайсар өзінен басқа туысқаны жоқ жалқы

жігіт болатын. Жалғыз Күреңтөбел аты бар. Көкдауыл атанған, тайыншадай ірі сұрғылт көк иті бар (Ф. Мүсірепов. Боранды түнде, 214).

Ақан серінің есіне Көкжентет түсті. Қаршығаның қыраны еді-ау! (Т. Әлімқұлов. Көк қаршыға, 41).

Концептов-субстантиватов цвета не так уж много – это основные спектральные цветообозначения, которые чаще всего встречаются в природе, например: белый и черный. Так, на основе противопоставления белка и зрачка глаза возникло переносное употребление *көздің ағы мен қарасы*. В приводимом ниже примере поэт М. Шаханов творчески заменяет слово *көз* в словосочетании *көздің ағы мен қарасы* на *жанарының (ағы мен қарасы)*:

*Сонау-сонау Алматыдан алып-ұшып хат келді,
Хат келді де Бапа апайға бір қуаныш ап келді.
Селкілденген жанарының ағы мен қарасы,
“Демалысқа барып қайтам”, – деп баласы*

(Шаханов М. Жанерке, 24)

Эти основные цвета – белый и черный – так же, как и *кок* (синий / зеленый), являются, как мы думаем, концептами в субстантивированном виде. Так, *ак* – «белый» обозначает не только цвет, но и выражает концепты «справедливость», «чистота». Через свое основное значение концепт *ак* «белый» связан с понятием материнского молока и жизни, т.к. молоко дает ребенку жизнь. Здесь мы видим связь концепта *ак* и концепта *кок*. Это подтверждает мысль о том, что концепты связаны между собой и образуют концепто-сферу (термин Д.С. Лихачева). В понимании Д.С. Лихачева, концепты возникают на основе соединения словарного значения слова и этнического, культурного опыта человека (Лихачев Д.С. 1997, 28-37).

Слово *ак*, входит в состав многих имен, где оно часто передает не только значение белого цвета, как это видно из следующего контекста:

- Майра балам, мен өзіңдей талай тамұққа түсіп шыққан адаммын. Қазақтың өсек-аяңынан жаман тамұқ жоқ. Аяғында елдің осындай құларының бәрін жеңіп, Ақ келін атандым. Бұл – менің өз атым емес, баяғыда бір ауылдың Ақ келін деген келіні болған екен. Болыс сайлауында сол келін бір болыс елдің бар еркегін жеңіп, болыс болыпты. Аса қадірлі адам болса керек, ол өлгеннен кейін болыстың атын “Ақ келін болысы” деп атапты. Сол осы күнге дейін сақталып келеді. Еліміз маған да сол атты берді... (Ф. Мүсірепов. Атақты әнші Майра, 167).

В приведенном контексте говорится о том, что

одну женщину, очень почитаемую в народе, прозвали Ак-келин букв. «Белая сноха». Однако ясно, что здесь слово *ак* обозначает не цвет, а высокие моральные качества этой женщины. Такие прозвища с элементом *ак* в казахском народе принято давать особо почитаемым людям, как это видно из контекста рассказа «Кумыс» известного казахского писателя Досжана Дукенбая:

Ақ тәте сонда жылап тұрып бой тұмарын мойнына тағып беріпті деседі (Д. Досжан. Қымыз, 42).

Героиню прозвали в народе Ак тәте букв. «Белая тётя», но, очевидно из всего контекста произведения, что это прозвище дано ей не случайно и вовсе не за белизну кожи. Оно выражает уважение к этому человеку за её доброту, любовь, справедливость, независимость, силу духа. Языковой опыт казахского народа, отложенный в символических значениях антропонимов (имен, прозвищ), показывает, что субстантиват *ак* является концептом. Этот концепт составляет со многими другими концептами (в том числе – и субстантиватами) концептосферу казахского языка.

Концептам цвета было посвящено диссертационное исследование Ш. К. Жаркынбековой (2004), поэтому мы не будем подробно останавливаться на этом вопросе. Нашей задачей в данной части работы является лишь указание на субстантивацию цветных обозначений и роль субстантиватов цвета в языковой картине мира казахов.

По нашему мнению, роль субстантиватов в языковой картине мира не ограничивается только субстантиватами цвета. Естественно, невозможно рассмотреть все концепты, выраженные субстантиватами в одной работе, поэтому далее мы ограничимся рассмотрением таких важнейших концептов в языковой картине мира казахов, как концепты *Жаратқан* и *жалған*.

Первое слово представляет собой причастие от глагола *жарату* «создавать». Причастие *жаратқан* встречается в качестве определения к существительному *ием* «господин», что буквально обозначает «создавший господин». Смысловой перевод: «создатель мой господь»:

-Е, жаратқан ием, – деді Арзы апам, – жар бола гор! (Ш. Мұртаза. Ақсай мен Көксай, 38).

Субстантивированная форма причастия *Жаратқан* обозначает божество, что эквивалентно русскому слову «Создатель», нередко пишущемуся с большой буквы. Например: *Осы жердің ерекше сипатын әйгілеу үшін Жаратқан өз қолымен осы*

бұлақ басына қос шыбық қадапты...

(М. Мағауин. Қос Ағаш, 85)

У казахов существует часто употребляемое в жизни выражение “*Уа, Жаратқан!*” букв.: «О, Создавший!». Это восклицание можно перевести на русский язык как «О, Создатель!». Данное субстантивированное причастие, по нашему мнению, является одним из основополагающих концептов в языковом сознании казахов, т.к. происходит из религиозных представлений мусульман о Боге как создателе всего сущего на земле. Причем человек трактуется в мусульманской религии как раб божий: *Құдайдың құлы / Жарат-қанның құлы:*

Жаратқанның құлысың,

Жағатұғын еңбек тап.

(Шәкәрім. Ажал жетсе, өлдің бе...)

Рассмотрим следующий субстантиват *жалған*, который, кстати, в Толковом словаре казахского языка (1959) квалифицирован как имя существительное, хотя восходит к причастию:

ЖАЛҒАН П зат. Дүние. *Жалғанды жалпағынан басып өтіп, Жасырып қайта тауып алдым бекіп(Жамбыл).*” (КТТС,208).

Этот факт свидетельствует о том, что произошла полная субстантивация причастия именно в этом значении. Очевидно, что это слово представляет собой субстантивированную форму причастия, которое часто употребляется в качестве определения к слову *дүние*:

– Аһ, жалған дүние-ай! – деп күрсінді Хадиса суретті орамалмен сүртіп тұрып (Ш. Мұртаза. Шекшек шырылдайды, 83).

В языковом сознании казахов закрепился концепт, выраженный субстантивированной формой причастия – *жалған*. Философский аспект данного понятия довольно сложен: оно зиждется на представлении об обманчивости бытия человека на земле и, несомненно, восходит к религиозной философии мусульманства. Не углубляясь в онтогенез данного понятия, отметим, что оно стало широко распространенным в бытовом сознании казахского народа. Представлении о жизни как о чем-то обманчивом, переменчивом закрепилось в устойчивых выражениях типа *бұл жалғада* «в этой обманчивой жизни, в этом призрачном мире». Неслучайно, что данное слово часто встречается в поэзии Шакарима, призывающего человека философски взглянуть на свою жизнь:

Енді есіңді жисаңшы,

Манар тауға сыйсаңшы,

Аласұрып антықпай,

Бұл жалғанды қисаңшы.

(Шәкәрім. Ажал жетсе, өлдің бе...)

Однако рассматриваемый субстантиват вышел за пределы профессиональной лексики и стал широко употребительным в обычной разговорной речи. В современном употреблении многие люди даже не задумываются над его религиозно-философским смыслом. Примером того, что субстантиват *жалған* в значении «мир» часто употребляется в речи, служит следующий пример:

Бұл жалғанда өзіне арнап мүше сақтар, жамбас қақтар жақының болса – армансызсың (Д.Досжан, Қымыз, 51)

В примере герой произведения рассуждает о том, что «если в этом мире есть человек, который хранит лучшие куски мяса, чтобы угостить именно тебя, то ты просто счастливый». Очевидно, что здесь слово *жалған* обозначает просто «мир» или «жизнь».

Итак, мы рассмотрели роль некоторых субстантиватов в концептосфере казахского языка. На примере ограниченного количества концептов мы стремились показать, что субстантивация используется в языке для выражения концептуальных смыслов, важных с точки зрения культуры народа. Воплощение этих смыслов в форме субстантиватов неслучайно: языковое сознание народа выбрало именно такую форму, потому что субстантивация способна синтезировать сложный смысл составного понятия в простой форме. Субстантивированная форма, вероятно, в наибольшей степени соответствует выра-

жаемому сложному значению.

Находится в пространстве казахского языка, означает знать его концептосферу и уметь использовать в своей речи концептуальные слова и понимать их концептуальное значение в конкретных речевых употреблениях. Субстантиваты играют большую роль в казахском языке как концепты, которые в совокупности с другими образуют единую концептосферу данного языка. Это концепты КОК, АК, ЖАРАТКАН, ЖАЛҒАН. Данные концепты выражают основы мировоззрения казахов: Святое Небо, Чистота (Справедливость), Создавший (Создатель), Мир (Жизнь).

ЛИТЕРАТУРА

1. КСКТ – Кубрякова Е.С. и др. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1997. 247 с.
2. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность: Антология. М.: Academia, 1997. С. 28–37.
3. Жаркынбекова Ш.К. Языковая концептуализация цвета в казахском и русском языках. Алматы, 2004. 264 с.
4. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику: Учеб. пособие. 2-е изд., испр. М.: Флинта: Наука, 2006. 296 с.